

Секция 8

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ БЕЛАРУСИ

УДК 902/903 (476.4) «04/14»

ТИПОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КРЕМАЦИИ (по материалам курганных некрополей Могилевского Поднепровья)

Авласович Алексей Михайлович

магистр исторических наук,

старший преподаватель кафедры археологии и специальных исторических дисциплин Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова»
(г. Могилев, Беларусь)

Первая попытка классифицировать погребальный обряд кремации, зафиксированный на территории Могилевского Поднепровья и Посожья, была предпринята еще в XIX в. Е.Р. Романовым. Все трупосожжения ученый разделил на: а) трупосожжение вне могилы, с урнами или без урн; б) трупосожжение в могиле [7, с. 88]. В последующее время трупосожжения с территории исследуемого региона были включены в типологические схемы Б.А. Рыбакова, Г.Ф. Соловьёвой, Г.В. Штыхова, П.Ф. Лысенко, В.В. Богомольникова, Я.Г. Риера.

В своем труде «Радзімічы» Б.А. Рыбаков выстроил типологию погребального обряда кремации относительно степени сожжения (полное/неполное) и места проведения обряда (на стороне/на месте) [8, с. 83–84, таб. 1].

Рассматривая погребальный обряд кремации, Г.Ф. Соловьёва выделяла Днепро-Сожскую и Бобруйскую группы. Для первой группы исследовательница считала характерным трупосожжение на месте с размещением погребений в насыпи (на подсыпке), для второй – трупосожжений на месте с размещением кальцинированных костей как на горизонте, так и на подсыпке [10, с. 141–142, 147].

Рассматривая трупосожжения кривичей, Г. В. Штыхов разделяет их на урновые и безурновые. Погребения в сосудах-урнах исследователь разделил на три типа в зависимости от уровня высоты их расположения в насыпи. Эти типы имеют несколько видов в зависимости от положения урн (венцем вверх, донцем вверх, накрыта другим сосудом). Безурновые трупосожжения ученым разделены на типы по принципу уровня расположения кальцинированных костей в насыпи, а также в зависимости от того были они рассыпаны или нет. Отдельно выделены кремации в ямах в центре насыпи с ритуально разбитой посудой над погребением [12, с. 24–25].

В погребальном обряде дреговичей П.Ф. Лысенко также выделяет трупосожжения в зависимости от их уровня расположения в насыпи, наличия или отсутствия урн, а также от места проведения сожжения – совершены они на стороне или на месте [4, с. 22–23].

В основу типологии В.В. Богомольникова положено сочетание вида погребального сооружения (домовина/курган) с видом (кремация/ингумация) и типом (ямный/неямный) погребального обряда. Комбинация видов и типов объединены исследователем в формы погребального обряда. Относительно погребального обряда трупосожжения ученым были выделены четыре его формы. Первая форма представляет собой летописное описание «на столпе на путех...». Вторая форма сохраняет все элементы первой, однако добавляется курганная насыпь над погребением. Третья форма характеризуется размещением «столпов» в подкурганной яме. Четвертая форма – размещение остатков кремации в кургане на уровне горизонта или на подсыпке без дополнительных сооружений [1, с. 25–26].

Основным критерием типологии трупосожжения для Я.Г. Ри-

ера является место проведения обряда кремации: на стороне или на месте будущей насыпи. Виды данного обряда определены по уровню расположения захоронения в насыпи, варианты – по степени сожжения костей: полное и неполное [5, с. 32, рис. 37].

Рассматривая специфику погребальных памятников последней четверти I тыс. н.э. в верховьях Друти, О.Н. Левко выделяет погребения в деревянных ящиках и без них. Трупосожжения в деревянных ящиках исследовательница делит на два вида: урновые и безурновые [3, с. 305].

Рассмотренные типологические схемы целиком или частично выстроены на материалах курганных могильников Могилевского Поднепровья и Посожья. Проведенный автором настоящей статьи комплексный анализ погребений, совершенных по обряду трупосожжения на территории обозначенного региона, показывает, что ни одна из предложенных схем не отображает в полной мере разнообразие обряда кремации и его дополнительных элементов. В связи с этим мною разработана авторская типология рассматриваемого погребального обряда.

Главным критерием членения трупосожжений на виды является уровень размещения кальцинированных костей в насыпи. На территории Могилевского Поднепровья и Посожья выделяются следующие **виды**:

- 1) трупосожжения ниже уровня горизонта;
- 2) трупосожжения на горизонте;
- 3) трупосожжения выше уровня горизонта.

Одним из наиболее устойчивых элементов погребального обряда являются следы использования огня. В зависимости от количества кострищ, а также от уровня их размещения выделяются пять **подвидов**:

- 1) без зольника;
- 2) один зольник на горизонте;
- 3) один зольник выше уровня горизонта;
- 4) зольник на уровне горизонта и зольник выше уровня горизонта;
- 5) зольник ниже уровня горизонта.

Подвиды 3 и 4 на исследуемой территории присущи сугубо для вида 1, подвид 5 зафиксирован только в погребениях третьего вида.

В качестве критерия деления **вариантов** обряда принято место проведения кремации:

- 1) сожжение на месте возведения кургана;
- 2) сожжения на стороне.

Дополнительным критерием для более детальной типологии может выступать способ размещения погребения в деревянных ящиках либо без них, а также погребения в урнах или без урн. На основании этого выделены две **группы**:

- 1) погребения в ящиках;
- 2) погребения без ящиков.

Они, в свою очередь, делятся на две **подгруппы**.

- 1) урновые;
- 2) безурновые.

В предложенной автором типологии отсутствует членение на полное и неполное трупосожжение. Однако ряд ученых в своих трудах выделяет обряд «неполной» кремации [8, с. 83–84; 9, с. 52; 1, с. 27–28; 5, с. 32–33]. Такое выделение, по моему мнению, является попыткой определить более «плавные» переходные формы от традиции трупосожжения к трупоположению. К настоящему времени, как свидетельствует анализ научной литературы и результаты археологических раскопок курганных насыпей, четкие критерии деления кремации на полную и неполную отсутствуют.

На изучаемой территории Я.Г. Риер отмечает пять могильников с «неполными» трупосожжениями. В трех из них погребения находились выше уровня горизонта:орма-Пайки (Краснополь-

ский р-н), Красная Слободка (Славгородский р-н), Почепы (Софеевка) (Краснопольский р-н). И два могильника с кремациями на уровне горизонта: Князёвка (Краснопольский р-н) и Хотимск (Хотимский р-н) [5, с. 125, рис. 37].

О нахождении погребального инвентаря при «сильно обуглившимся» костяках курганов № 21 и № 22 не сообщается [11, с. XLVI]. Не обнаружен погребальный инвентарь и при неполном трупосожжении в кургане № 17 Красная Слободка. При «обуглившемся» костяке кургана № 26 Почепы (Софеевка) обнаружены горшки «тонкой» и «грубой» работы, а также части ножа [11, с. XLVII–XLVIII]. При «обуглившемся» костяке в кургане № 34 Хотимск сохранился целый горшок, изображение, которого не было опубликовано [11, с. LVI–LVII]. Погребение кургана № 25 Князёвка каких-либо находок не содержало [11, с. XLVII].

Таким образом, только в двух случаях был зафиксирован сопровождающий инвентарь, который мог бы датировать насыпи. Однако все так называемые «неполные» трупосожжения на территории региона выявлены в дореволюционное время, а описанные артефакты так и не были опубликованы. В настоящее время нет достаточных аргументов говорить о неполном трупосожжении как о более поздней разновидности кремации и его переходном положении к обряду труположения.

Более детальный анализ археологических источников позволяет высказать предположение о том, что перед нами преждевременно оконченный обряд трупосожжения на месте. Как известно, полный процесс трупосожжения занимает около 10 часов. При этом только треть этого времени занимает горение самого кострища, все же остальное время уходит на тление костра, в процессе которого и происходит кальцинация и разрушение скелета [2, с. 122]. В могильнике Софеевка (Краснопольский р-н) «сильно обуглившимся» кости обнаружены в 35 см слое угля и пепла. Погребение в могильнике Князёвка (Краснопольский р-н) идентично погребению в Софеевке (Краснопольский р-н). Вероятно, в мощном слое угля и пепла была обнаружена кремация и в могильнике Красная Слободка (Славгородский р-н) [11, с. XLVII–XLVIII].

Наиболее информативным является погребение в могильнике Грязивец (Чаусский р-н). При изучении насыпи было установлено, что погребальное кострище состояло из основных продольных и поперечных плах. Конструкция имела 7 ярусов и возвышалась на высоту 0,7 м. В самом ее низу Е.Р. Романов зафиксировал неповрежденный костяк [6, с. 30].

Во всех описанных случаях остатки кремаций находились в мощном зольном слое. При полном 10-часовом цикле сожжения умершего на погребальном костре остается небольшой слой пепла и фрагменты кальцинированных костей. Следовательно, возведение насыпи над кострищем было начато при его сгорании, а в случае с погребением в Грязивце (Чаусский р-н), деревянные плахи не были полностью сожжены, чему, очевидно, мешало возведение насыпи. Таким образом, не произошел процесс тления костра, а вместе с ним и кальцинация костей. Этим может быть объяснено появление «неполных» трупосожжений. Следует полагать, что для самих носителей данной традиции, не вызывал сомнения тот факт, что обряд сожжения тела умершего завершен полностью. Этому также способствовали рухнувшие плахи погребального костра, которые скрывали остатки трупа от глаз участников обряда. Сведений, о предохранении костяка от полного сожжения в данном случае просто нет.

Мы можем предполагать, что при сгорании происходило обрушение кострища, которое скрывало под собой труп. В следствие этого участники похорон не могли наблюдать за полным разрушением тела умершего и по сгорании или частичном сгорании деревянной основы кострища, принимались за возведение кургана. Насыпанный песок перекрывал доступ кислорода и делал невозможным процесс тления остатков древесины до полного выгорания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомольников, В. В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.) / В. В. Богомольников ; под научн. ред. О. А. Макушников ; ГГУ им. Ф. Скорины, Научно-исслед. ин-т восточнославянских народов при ГГУ им. Ф. Скарны. – Гомель, 2004. – 226 с.
2. Вайцяховіч, А. В. Крэмацыя. Пытанні інтэрпрэтацыі / А. В. Вайцяховіч // ГАЗ. – 2006. – № 22. – С. 121–123.
3. Левко, О. Н. Культурные трансформации в I тысячелетии н. э. на территории Витебского Подвинья в восточной части Днепро-Двин-

ского междуречья / О. Н. Левко // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя : в 2 кн. – Минск : Беларус. навука, 2016. – Кн. 2. – С. 271–320.

4. Лысенко, П. Ф. Дреговичи / П. Ф. Лысенко. – Минск : Наука и техника, 1991. – 244 с.
5. Риер, Я. Г. Сельское общество Могилёвского Поднепровья X–XIII вв. По археологическим данным : монография / Я. Г. Риер. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2010. – 176 с.
6. Романов, Е. Р. А. Археологіческая развідкі ў Могилевскай губерні / Е. Р. Романов. – Вільна : Тип. І. Завадскага, 1912. – 31 с.
7. Романов, Е. Р. Старина доісторыі Севера-западнага края / Е. Р. Романов. – Вільна, 1908.
8. Рыбакоў, Б. А. Радзімічы / Б. А. Рыбакоў // Працы секцыі археалёгіі. – Менск, 1932. – Т. III. – С. 80–151.
9. Соловьёва, Г. Ф. Погребальные обряды. – Древности железного века в междуречье Десны и Днепра / Г. Ф. Соловьёва // САИ. – 1962. – Вып. Д 1–12. – С. 50–73.
10. Соловьёва, Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. н.э. (вятичи, радимичи, северяне) / Г. Ф. Соловьёва // СА. – 1956. – № XXV. – С. 138–170.
11. Фурсов, М. В. Дневник курганных раскопок, проведенных по поручению Г. Начальника Могилевской губернии, Александра Станиславовича Дембовецкого, в течении 1892 г. вь Рогачевском, Быховском, Климовичском, Чериковском и Мстиславском д. ст. сов. Фурсовым и Старшим Чиновником по особым поручений при Губернаторе Сем. Юл. Чоловским / М. В. Фурсов, С. Ю. Чоловский // Памятная книжка Могилевской губернии на 1893 годъ. – Могилев на Днепре. – С. XXV–LIII.
12. Штыхаў, Г. В. Крывічы : Па матэрыялах раскопак кургану ў Паўночнай Беларусі / Г. В. Штыхаў. – Минск : Наука и техника, 1992. – 191 с.